

А.Ф. Писемский

Тюфяк

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А11

А.Ф. Писемский
А11 Тюфяк / А.Ф. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 130 с.

ISBN 978-5-4241-1885-2

Повесть А. Ф. Писемского "Тюфяк", опубликованная в 1850 году, принесла ему известность и поставила его имя в одном ряду с именами крупнейших писателей-реалистов того времени. Повествуя о том, как страдал и погиб честный, образованный, но недостаточно энергичный молодой человек - "тюфяк" Павел Бешметев, Писемский создал впечатляющую картину жизни дворянского общества, обычаи и нравы которого по самой своей сути враждебны человечности.

ISBN 978-5-4241-1885-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© А.Ф. Писемский, 2021

Писемский Алексей
Тюфяк

Алексей Феофилактович Писемский

Тюфяк

Повесть

{1} - Так обозначены ссылки на примечания соответствующей страницы.

Семейные дела судить очень трудно,

и даже невозможно!

Местная поговорка.

I

РОДСТВЕННИЦА

Однажды - это было в конце августа - Перепетуя Петровна уже очень давно наслаждалась послеобеденным сном. В спальне было темно, как в закупоренной бочке. Средство это употреблялось ради спасения от мух, необыкновенно злых в этом месяце. Часу в шестом Перепетуя Петровна проснулась и пробыла несколько минут в том состоянии, когда человек не знает еще хорошенько, проснулся он или нет, а потом старалась припомнить, день был это или ночь; одним словом, она заспалась, что, как известно, часто случается с здоровыми людьми, легшими после сытного обеда успокоить свое бременное тело. Это полусознательное состояние Перепетуи Петровны было прервано приходом горничной девки со свечою.

- Палашка! Это ты? - сказала барыня, жмуря глаза, которым, видно, было неприятно ощущение света.

- Я, матушка.

- Что тебе?

- Феокиста Саввишна приехали.

- Что же ты, дура, давно мне не скажешь, - проговорила Перепетуя Петровна, вставая проворно с постели, насколько может проворно встать женщина лет около пятидесяти и пудов шести веса, а потом, надев перед зеркалом траурный тюлевый чепец, с печальным лицом, медленным шагом вышла в гостиную. Гостья и хозяйка молча поцеловались и уселись на диване.

- Я, в моем горестном положении, - сказала печальным тоном Перепетуя Петровна, - сижу больше там, у себя, даже с закрытыми окнами: как-то при свете-то еще грустнее.

- Что мудреного, что мудреного! - повторяла гостья тоже плачевным голосом, покачивая головою. - Впрочем, я вам откровенно скажу, бога ради, не убивайте вы себя так... Конечно, несчастье велико: в одно время, что называется, умер зять и с сестрою паралич; но, Перепетуя Петровна, нужна покорность... Что делать! Ведь уж не поможешь. Я, признаться сказать, таки нарочно приехала проведать, как и вас-то бог милует; полноте... берегите свое-то здоровье - не молоденькие, матушка.

Перепетуя Петровна ничего не отвечала на эти утешительные слова; но с половины монолога начала рыдать, закрыв лицо носовым платком. Этот обычный прием плачущих был весьма кстати для Перепетуи Петровны, потому что выражение лица ее в эту горькую минуту очень было некрасиво; слезы как-то не шли к ее полной, отчасти грубоватой и лишенной всякого выражения физиономии. Феокиста Саввишна, тождественная своею наружностью и весом тела Перепетуге Петровне, смотрела на нее несколько минут с участием, а потом и сама принялась плакать.

- Я видеть ее не могу, мою голубушку, - проговорила, наконец, Перепетуя Петровна, всхлипывая, - представить ее даже не могу.

- Это-то и дурно, Перепетуя Петровна, - перебила утешительница, - ну, зять, конечно, уж не воротитишь, человек мертвый; а сестрица, вот вам как бог свят, выздоровеет. У меня покойник два раза был в параличе, все лицо было сворочено на сторону, да прошло; это ведь проходит.

- Нет, матушка! - говорила Перепетуя Петровна. - Я уже советовалась о ней с Карлом Ивановичем - с ней не пройдет. Ох, господи! Грудь даже начала болеть; никогда прежде этого не бывало; он говорит, у ней началось с помешательства, с гипохондри.

- Что ж такое гипохондрия! Ничего! - возразила Феоктиста Саввишна. - Да вот недалеко пример - Басунов, Саши, племянницы моей, муж, целый год был в гипохондри, однако прошла; теперь здоров совершенно. Что же после открылось? Его беспокоило, что имение было в залоге; жена глядела, глядела, видит, делать нечего, заложила свою деревню, а его-то выкупила, и прошло.

- Как странно, однако, это случилось! - начала Перепетуя Петровна. Она сначала, как умер Василий Петрович... ничего... Конечно, грустила, только слез как-то не было: не плакала... Ну, без сомнения, я каждый день то сама, то посылаю; не поверите, все ночи не сплю, не знаю, как и самое-то бог подкрепляет; вот, сударыня моя, накануне троицына дня приходит ее Марфутка-ключница и говорит мне: "Что это, говорит, матушка, у нас барыня-то все задумывается?" А я и говорю: "Как же, я говорю, не задумываться; это по-вашему ничего, кто бы ни умер, мать ли, муж ли - все равно". А она мне на это и говорит (она, даром что простая, умная такая, сметливая, славная женщина): "Нет, говорит, матушка, барыня-то что-то очень сумнительна: все нас изволил высылать вон и все перебирает письма Василья Петровича да Павла Васильича, а вчера как будто бы и заговариваться стала: говорит, а что - и понять невозможно". Я так и не опомнилась! Ох, боже мой! Рассказывать даже тяжело. Как сидела вот на этом диване, так руки и ноги охолодели; ничего не помню!.. В беспамятстве меня одели, снарядили, привезли к ней, и вижу: паралич во всей; кажется, и меня даже не узнала.

Перепетуя Петровна замолчала и вздохнула; Феоктиста Саввишна тоже сидела задумавшись.

- Да, вот, можно сказать, истинное-то несчастье, - начала последняя, неприятное-то чувство! Видно, что было тяжело перенести эту потерю; я знаю это по себе. Ах, как это тяжело! Вот уж, можно сказать, что потеря мужа ни с чем не может сравниться! Кто ближе его? Никто! Друг, что называется, на всю жизнь человеческую. Где дети-то Анны Петровны?

- Лиза писала, что приедет и с мужем сюда совсем на житье; а Паша уж месяца с три как приехал из Москвы; он, слава богу, все ихние там экзамены кончил хорошо; в наверситете ведь он был.

- Это я слышала. Что-то он, бедненький? Его-то положение ужасно: он был, как говорится, маменькин сынок.

Перепетуя Петровна вздохнула.

- Что он? Ничего... мужчина! У них, знаете, как-то чувств-то этаких нет... А уж он и особенно, всегда был такой неласковый. Ну, вот хоть ко мне: я ему, недалеко считать, родная тетка; ведь никогда, сударыня моя, не придет; чтобы

этак приласкался, поговорил бы, посоветовался, рассказал бы что-нибудь - никогда! Придет, сидит да ногой болтает, согрешила грешная. Я с вами, Феоктиста Саввишна, говорю откровенно...

- Эй, полноте, Перепетуя Петровна, - перебила Феоктиста Саввишна, - вы, я думаю, знаете: я не болтушка какая-нибудь; слава богу, десятый год живу здесь, а никогда, можно сказать, ни в одной скандальности не была замешана.

- Потому-то я с вами и говорю. Грустно этак на сердце-то носить, особенно семейные неприятности, - продолжала Перепетуя Петровна. - Ох, боже мой! Опять забыла, о чем начала?..

- О Павле Васильиче.

- Да, о Паше. Конечно, я хоть и родная тетка, а всегда скажу: он не картежник, не мот какой-нибудь, не пьяница - этого ничего нет; да ученья-то в нем как-то не видно, а уж его ли, кажется, не учили? Шесть лет в гимназии сидел да в Москве лет пять был; ну вот хоть и теперь, беспрестанно все читает, да только толку-то не видать: ни этакого, знаете, обращения, ловкости этакой в обществе, как у других молодых людей, или этаких умных, солидных разговоров - ничего нет! Леность непомерная, моциону никакого не имеет: целые дни сидит да лежит... тюфяк, совершенный тюфяк! Я еще его маленького прозвала тюфяком.

- Что это за странность? Стало быть, он и в военную службу не пойдет?

- Какой он военный? Сама сестра тут виновата; конечно, уж теперь про нее говорить нечего... человек больной... не внушала ему никогда, надзору настоящего не было: "Паша! Паша!" - и больше ничего; что Паша ни делай, все хорошо. Паша не выходит при гостях в гостиную и сидит там у себя... Прекрасно, батюшка: бегай хорошего общества!.. Отдали танцевать учиться, через месяц пришел: "Я не хочу, маменька, учиться танцевать, я не способен!" Какая тут способность? Всякий молодой человек способен! - И то прекрасно: не учишь, сынок, будь медведем. А опять хоть бы за столом... у меня всегда, бывало, ссора: черного хлеба совершенно не ест, а теперь вот на здоровье жалуется... Ему, бывало, очень не по нутру, как я приеду; я ведь не люблю, беспрестанно замечаю: "Паша, сиди хорошенько, Паша, будь поразвязнее, поди умой руки!", ну и получше, поисправится... как быть дворянский мальчик. Сестра - добрая женщина, а мать была слабая. Говорят, в собственных детях нельзя видеть недостаток; пустое: будь у меня дети, я бы первая все видела! Вот Лиза совсем не то; как была отдана с малолетства в чужие люди, так и вышла другая! Ее еще четырех лет увезла сестра Василья Петровича, классная дама... ну, а как сюда приехала, манеры-то тоже очень начала терять. Хорошо, что я же нашла жениха, а то, пожалуй, и теперь бы сидела в девках... никто бы и не заметил. Ну, сначала было все хорошо, очень были рады, что выходит замуж, а после на меня же была претензия; Василий Петрович часто говаривал: "Бог с вами, сестрица, спровадили от нас Лизу за тридевять земель, жила бы лучше поближе к нам; зять - человек неизвестный, бог знает как и живет". Что же вышло? Человек прекрасный, каждую почту пишет ко мне преласковые письма: "Почтеннейшая тетушка!" и потом все так умно излагает. Очень, очень неглупый человек.

В продолжение всей этой речи Феоктиста Саввишна качала головой и по временам вздыхала.

- Сколько у вас неприятностей-то было, Перепетуя Петровна, - начала она после непродолжительного молчания, - особенно зная вашу родственную-то

любовь... Как ведь это грустно, когда видишь, что делается не так, как бы хотелось.

- Что делать, Феоктиста Саввишна! Вся жизнь моя, можно сказать, прошла в горестях: в молодых годах жила с больным отцом, шесть лет в церкви божей не бывала, ходила за ним, что называется, денно и ночью, никогда не роптала; только, бывало, и удовольствия, что съезжу в ряды да нарядов себе накуплю: наряжаться любила... Говорили после, что я вдвое больше получила против сестры... пустое! Дело уж прошлое: лишней копейки нет на моей совести. А и теперь, для чего я живу? Племянники не родные дети; нынче и на родных-то детей нельзя положиться; и в них иногда нет утешения.

- Именно так, именно... - подтверждала Феоктиста Саввишна.

Разговор еще несколько времени продолжался на ту же тему. Наконец Феоктиста Саввишна начала прощаться. Перепетуя Петровна умоляла ее пробыть вместе с нею вечер; но Феоктиста Саввишна решительно отказалась: она почувствовала непреоборимое желание передать в одном дружественном для нее доме все, что она узнала от Перепетуи Петровны насчет ее семейных неприятностей. Хозяйка, видя невозможность оставить у себя свою гостью на вечер, решила сама, от нечего делать, исполнить священный долг и навестить свою больную сестру. Таким образом, обе дамы сошли вместе с крыльца и расселись по своим кипажам.

Феоктиста Саввишна... но здесь я должен несколько остановиться и обратить внимание читателя на дружественный для нее дом. Дом этот состоял из отца, матери и двух дочерей и принадлежал к высшему губернскому кругу. Владимир Андреич Кураев был предводитель и родоначальник его. Жил он открыто и был человек в обществе видный, резкий немного на язык, любил порезонерствовать и владел даром слова; наружность имел он очень внушительную, солидную и даже несколько строгую. Говорили в городе, что будто бы он был немного деспот в своем семействе, что у него все домашние плясали по его дудке и что его властолюбие прорывалось даже иногда при посторонних, несмотря на то, что он, видимо, стараясь дать жене вес в обществе, называл ее всегда по имени и отчеству, то есть Марьей Ивановной, относился часто к ней за советами и спрашивал ее мнения, говоря таким образом: "Как вы думаете, Марья Ивановна? - Что вы на это скажете, Марья Ивановна?" Покупая какую-нибудь вещь в лавках, он обыкновенно говорил приказчику: "Принеси, братец, на дом, я посоветуюсь с Марьей Ивановной!" Вещь приносили, и Владимир Андреич оставлял ее за собою в долг. Что касается до Марьи Ивановны, то это было какое-то существо совершенно безличное, и она служила только слабым отражением своего супруга: что бы она вам ни говорила, вы непременно это слышали, за несколько дней, от Владимира Андреича. Были слухи, будто бы Марья Ивановна говорила иногда и от себя, высказывала иногда и личные свои мнения, так, например, жаловалась на Владимира Андреича, говорила, что он решительно ни в чем не дает ей воли, а все потому, что взял ее без состояния, что он человек хитрый и хорош только при людях; на дочерей своих она тоже жаловалась, особенно на старшую, которая, по ее словам, только и боялась отца. В обществе Марья Ивановна слыла за женщину недалнюю, но добрую и решительно не сплетницу. Две дочери их, Юлия и Надежда, были первые красавицы во всем городе, или по крайней мере так убеждены были их родители. Стоявшие в этом городе армейские офицеры

старшую прозвали гордою брюнеткой, а младшую - резвою блондинкой. Брюнетка была похожа на отца и вела себя в обществе скромно и даже несколько гордо; дома же, особенно у себя в комнате, была гораздо говорливее, давала своей горничной беспрепятственные нотации за различные опущения по туалету. Блондинка была одинакова как в обществе, так и у себя в комнате, то есть немного сгора и необдуманна; с девками больше смеялась, никогда не давала им наставлений и очень скоро одевалась на балы. О состоянии Кураевых носились какие-то двусмысленные слухи. По моему мнению, судя по их образу жизни, прямо бы надобно было заключить, что они богаты; но нашлись подозрительные умы, которые будто бы очень хорошо знали, что у Кураевых всего 150 мотаных и промотанных душ, что денег ни гроша и что хотя Владимир Андреич и рассказывал, что он очень часто получает наследства, но живет он, по словам тех же подозрительных умов, не совсем благородными аферами, начиная с займа, где только можно, и кончая обделыванием разного рода маленьких подрядцев. Вот что говорили подозрительные умы.

Феоктиста Саввишна, несмотря на то, что могла быть отнесена к вышеозначенным подозрительным умам, являлась и теперь явилась в дружественный для нее дом с почтением, похожим даже несколько на подобострастие. Хозяйке и барышням раскланялась она жеманно, свернув несколько голову набок, а Владимиру Андреичу, видно для выражения своего почтения, присела ниже, чем прочим. Усевшись, она тотчас же начала рассказывать, что вчера на обеде у Жустковых Махмурова наговорила за мужа больших дерзостей Подслеповой, что Бахтияров купил еще лошадь у ее двоюродного брата, что какой-то Августин Августиныч третий месяц страдает насморком и что эта несносная болезнь заставляет его, несмотря на твердый характер, даже плакать. Владимир Андреич сидел, развалясь в креслах, и решительно не обращал внимания на рассказы Феоктисты Саввишны; барышни также мало ею занимались: они в это время от нечего делать рассматривали модную картинку и потихоньку растолковывали ее друг другу. "Это, должно быть, тюлевая пелеринка", - говорила одна. "Нет, та сhere, это блондовая", и тому подобное. Слушала Феоктисту Саввишну одна только Марья Ивановна, но и та скоро вышла к себе в комнату.

- Чем это вы, Юлия Владимировна, занимаетесь? - отнеслась Феоктиста Саввишна к девушкам.

- Смотрим, - отвечала брюнетка.

- Что это такое смотрите?

- Картинку из журнала.

Феоктиста Саввишна подвинулась к барышням.

- Что же это такое? Моды?

- Моды.

- Нынешние?

- Нынешние.

- Нынче наряжайтесь, барышни, наряднее: у вас зимой будет новый кавалер.

- Их всегда много, - отвечала с гримасою брюнетка.

- Кто такой? - спросила блондинка.

- Ловкий... красавец из себя... богатый.

- Кто же это такой? - проговорил Владимир Андреич.

- Василья Петровича Бешметева сын; чай, изволите знать?
- Знаю. Да откуда же ему богатство-то досталось?
- Я ведь смеюсь. Месяц только и танцевать-то учился: молодой еще человек, только просто медведь; сидит да ногой болтает; и родные-то тюфяком зовут. Не больно, кажется, и умен; говорить решительно ничего не умеет.
- Жалкий какой! - заметила брюнетка.
- А собой хорош? - спросила блондинка.
- Не так красив: волосы взьерошенные, руки неумытые.
- Фи, гадость какая! Хочется вам это рассказывать, - произнесла брюнетка.
- За что же его зовут тюфяком? - спросила блондинка.
- Очень уж неловок, не развязен, - отвечала Феоктиста Саввишна.
- Как это смешно! Тюфяк! - продолжала блондинка. - Я непременно пойду с ним танцевать; я очень люблю танцевать с этими несчастными.
- Вот этого-то тебе и не позволят сделать, - возразил Владимир Андреевич. - Я уж заметил, что ты всегда с дрянью танцуешь. А отчего? Оттого, что все готово! Как бы своя ноша потянула, так бы и знала, с кем танцевать; да! заключил он выразительно и вышел.

Блондинка покраснела.

На другой день Феоктиста Саввишна на крестинах у своего двоюродного брата, у которого Бахтиаров купил лошадь, рассказала, что Перепетуя Петровна до сих пор все еще плачет по зяте и очень недовольна приехавшим из Москвы племянником, потому что он вышел человек грубый, без всякого обращения, решительно тюфяк. На этот ее рассказ по преимуществу обратили внимание: рябая дама, знакомая Перепетуи Петровны, и какой-то мозглый старичок, пользовавшийся, по его словам, расположением Анны Петровны. А дней через несколько с помощью Феоктисты Саввишны и исчисленных мною особ многие, очень многие узнали, что после покойного Бешметева приехал сын, ужасный чудак, неловкий, да, кажется, и недалкий - просто тюфяк.

II

БРАТ, СЕСТРА И ТЕТКА

Между тем как таким образом разносился слух о молодом Бешметеве, он сидел, задумавшись, в своей комнате. Невдалеке от него помещалась молодая женщина: это была его сестра, Лиза, как называла ее Перепетуя Петровна. Бешметев действительно никаким образом не мог быть отнесен по своей наружности к красивым и статным мужчинам: среднего роста, но широкий в плечах, с впалою грудью и с большими руками, он подлинно был, как выражаются дамы, очень дурно сложен и даже неуклюж; в движениях его обнаруживалась какая-то вялость и неповоротливость; но если бы вы стали всматриваться в его широкое бледное и неправильное лицо, в его большие голубые глаза, то постепенно стали бы открывать что-то такое, что вам понравилось бы, очень понравилось. Говорят, что это - оттенки мысли и чувств, которые в иных лицах не дают себя заметить при первом взгляде. Белые волосы его не были взьерошены, как говорила Феоктиста Саввишна, но, умеренно подстриженные, они, конечно, лежали, как им хотелось, что, впрочем, очень шло к его бледному и большому лбу; одет он был небрежно.

Совершенно другой наружности была Лизавета Васильевна: высокая ростом, с умным, выразительным лицом, с роскошными волосами, которые живописно

собирались сзади в одну темную косу, она была почти красавица в сравнении с братом. В одежде ее заметны были вкус и опрятность, что, как известно, дается в удел не многим губернским барыням. В выражении лица молодой женщины высказывалось что-то грустное, почему она и казалась как бы старше двадцати пяти лет, которые прожила на белом свете. Брат и сестра сидели, задумавшись; глаза Лизаветы Васильевны были заплаканы. Они только вышли от больной матери. Старуха была разбита параличом, отнявшим у нее движение и язык и затмившим почти совершенно умственные способности; она помнила и узнавала одного только Павла. Большею частью она была в беспомощности, а придя к себе, то истерически смеялась, то плакала. Лизавету Васильевну она совершенно не узнала: напрасно Павел старался ей напомнить о сестре, которая с своей стороны начала было рассказывать о детях, о муже: старуха ничего не понимала и только, взглядывая на Павла, улыбалась ему и как бы силилась что-то сказать; а через несколько минут пришла в беспомощность.

Павел, получивший от медика приказание не беспокоить мать в подобном состоянии, позвал сестру, и оба они уселись в гостиной. Долго не вязался между ними разговор: они так давно не видались, у них было так много горя, что слово как бы не давалось им для выражения того, что совершалось в эти минуты в их сердцах; они только молча менялись ласковыми взглядами.

- Как мы с тобой давно не видались, Польша! - начала наконец Лизавета Васильевна.

- Давно, Лиза.

- Переменилась я с тех пор?

- Очень переменилась.

- У меня двое детей; старший сын ужасно похож на тебя.

- А муж твой, Лиза?

- Муж у меня, братец... он немного ветрен; но, впрочем, добрый человек и, кажется, любит меня.

- Зачем же ты за него вышла? - спросил Павел, глядя на сестру.

- Богу так угодно! Нас сосватала тетушка: она уговорила батюшку и матушку, насадивши им о бесчисленном богатстве моего мужа.

- И что ж? Это вышло правда?

- Правда, - отвечала с горькою улыбкою молодая женщина.

- Помнишь, что ты мне говорила?

- Что я тебе говорила?

- Что ты...

Молодая женщина улыбнулась.

- Это давно уж прошло, - отвечала она, вспыхнув.

- Тебя не уговаривали выйти за другого?

- Нет, Польша, я сама первая согласилась, - отвечала молодая женщина.

- Не может быть!

- Отчего ж не может быть?.. Но, впрочем, перестанем говорить об этом, Польша...

Это была глупость и больше ничего.

- А я на днях еще встретил Бахтиярова.

Лизавета Васильевна вдруг побледнела.

- Разве он здесь? - спросила она, стараясь скрыть внутреннее волнение; но голос ее дрожал, губы слегка посинели...

Павел молчал и только внимательно посмотрел на сестру.

- Лучше поговорим о тебе, - начала Лизавета Васильевна, стараясь переменить предмет разговора. - Что ты с собой хочешь делать?

Этот вопрос, в свою очередь, смутил Павла.

- Не знаю, - отвечал он после минутного молчания.

- Ты думаешь здесь служить?

- Нет.

- Так, стало быть, ты хочешь уехать, опять с нами расстаться надолго?

- Да мне надобно бы было ехать.

- Но матушка? Как ты ее оставишь?

Павел задумался.

- Мое положение, - начал он, - очень неприятно... Я думал непременно ехать.

- Поживи, братец, с нами.

- Нельзя, Лиза, мне бы хотелось поподготовить себя и выдержать на магистра.

- Ну, а потом что?

- А потом... потом может быть очень хорошо... это лучшая для меня дорога.

- Так поезжай.

- А матушка?..

Лизавета Васильевна несколько минут ничего не отвечала.

- Ей, может быть, сделается лучше, - начала она, - и ты поедешь; она тоже к тебе приедет.

Разговор этот был прерван приездом Перепетуи Петровны.

- Лизанька! Друг мой! Ты ли это? - вскрикнула она, почти вбежавши в комнату, и бросилась обнимать племянницу; затем следовало с полдюжины поцелуев; потом радостные слезы.

- Давно ли ты, милушка моя, приехала? - говорила тетка, несколько успокоившись и усаживаясь на диване.

- Сегодня утром.

- Ну, слава богу, слава богу! Что сестричушка-то? Я и не спросила об ней.

- Матушка заснула, - отвечал Павел.

- Ну, слава богу, слава богу! Пусть ее почивает. Здравствуй, Паша. Я тебя-то и не заметила; подвинь-ка мне скамеечку под ноги; этакий какой неловкий - никогда не заметит. - Павел подал скамейку. - Погляди-ка на меня, дружочек мой, - продолжала Перепетуя Петровна, обращаясь к племяннице, - как ты похорошела, пополнела. Видно, мать моя, не в загоне живешь? Не с прибылью ли уж? Ну, что муженек-то твой? Я его, голубчика, уж давно не видала.

- Он дома остался; слава богу, здоров, - отвечала Лизавета Васильевна, целуя у тетки руку.

Перепетуя Петровна больше любила племянницу, чем племянника, потому что та была к ней ласковее.

- Что деточки-то твои? Михайло Николаич писал, что они просто милашки.

- Я завтра их привезу к вам, тетушка.

- Непременно привези! Смотри же, одна и не езд! Паша, полно сидеть букой-то; пододвинься, батюшка, к нам, поговори хоть с сестрой-то; ведь, я думаю, лет пять не видались?